

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Прихоть

Пенистое описание — во всех смыслах, которые только подскажет читателям, а тем более читательницам, их извращённое воображение.

Лучшая первоапрельская шутка, которая только могла прийти в голову подлым коммунальщикам: безо всякого предупреждения отключить горячую воду. По счастью, у Дженни в её апартаментах — газовая колонка, которая в любое время дня и ночи к услугам хозяйки. А сама хозяйка, в свою очередь, к моим.

— О, Господин, быть может, служанка может помочь вам?

А какое первое желание бывает у человека — ну хорошо, пусть даже и сверхчеловека, — только что проделавшего огромный путь сквозь пространство, время и семь слоёв реальности?

— Ну конечно же, милая. Приготовь-ка ты мне для начала просторную ванну, с пеной! Причём горячую, но не слишком.

И с ехидцей добавляю:

— Не всё же тебе одной в ванне нежиться.

Уж мне-то хорошо известно, какими водными процедурами она ублажает врата своего наслаждения, пока её мужчина занят другими делами... Только успевай головки на душе менять.

— Слушаюсь, Хозяин! — отвечает с озорной улыбкой эта юная нахалка. Ну не иначе какую-то каверзу придумала.

И как в воду глядел. Ту самую, с пеной:

— Кстати, если не одной, то с кем мне сейчас предстоит в ней нежиться?

— Хамишь, девушка, — наигранно-театрально взрываюсь я с интонацией первого трагика в урюпинском драматическом.

— Мне ванну приготовь, несчастная, мне! Это я в ней буду нежиться. А служанка — меня ублажать. И выполнять любую прихоть, усвоила?

Сказано — сделано. Сколько бы Дженни не бормотала по ходу дела свои извечные «Прости меня, Господин», «Сделаю всё как ты говоришь» и даже, с робкой надеждой, «Меня накажут?!», но роскошная угловая ванна нежно-бирюзового цвета, по размерам своим почти дотягивающая до бассейна, уже бурлит и пенится вовсю, щекоча мне ноздри таёжно-хвойным ароматом. Пихта, кажется. Или кедр? С каждым вдохом тело наполняется свежестью... И желанием.

Юная моя банщица тоже выдержана в апрельской цветовой гамме: коротенький зелёный халатик тут же летит на кафельный пол, а скрывавшееся под ним бикини изысканного оттенка мяты так и просится быть измятым, поскольку само не скрывает практически ничего.

Особенно когда первые же капли воды делают ткань совершенно прозрачной, выставляя напоказ полные свежие конусы девичьих грудей и маленькую расщелинку между пухлыми и бесстыдно выбритыми наголо губками там, внизу.

Тоненькие пальчики моей Дженни шаловливо скользят по усталому мужскому телу, помогая избавиться от совершенно не нужных теперь рубашки и джинсов. Вот уже и ярко-красные стринги летят на пол, первым распутившимся маком на этой зелёной лужайке. А пенное море зовет и манит...

Мгновение — и я погружаюсь в него до дна, предвкушая грядущее проникновение в иные глубины, горячие и тесные. «Но, как сказал маркиз де Сад Захер-Мазоху, имейте же терпение, мой друг».

— А теперь принеси-ка мне, будь добра, бокал ледяного шампанского!

Много ли надо для счастья усталому человеку? Прохладная и пьянящая влага пузырится внутри — в стекле ли, во рту ли, — а горячие пенные пузырьки ласкают снаружи, щекоча обнажённую мокрую кожу. Но взыскательному гурману во моём лице... Или даже не в лице, а где-то заметно пониже — ему хочется большего. И вот уже из глубин океанского дна прорастает мощный и крепкий коралл, так удобно лежащий в ладонь. Чуть изогнутый, узловатый и донельзя живой. Как восхитительно содрогается он от твоих прикосновений — осторожных, остреньких, чуть поцарапывающих... А уж когда вторая рука нащупывает округлую крупную гальку в основании этого кораллового ствола и начинает перебирать эти окатыши... чувственно, ласково, неторопливо...

Тут уже мой коралл взвивается к звёздам, весь в блестящей и липкой плёнке поначалу. Но стоило ему в неудержимом порыве прорвать покровы водной глади, лишая ту первозданной невинности — и вот уже бугристая головка являет себя во всей красе, укутанная белоснежной шапкой пены. Подобно маяку в норвежских фьордах, запорошённого свежим пушистым снежком, из под которого всё-таки пробивается тот ослепительно яркий красный свет, что неудержимо влечёт к себе в равной степени как прибрежную мошкору, так и стройные каравеллы, истосковавшиеся в долгом плавании.

Малышка Дженни не может сдержать восхищения, поднимая и вытягивая мощный трепещущий ствол своими чувственными пальчиками всё выше и выше. Любуясь вспененным окружением и ростом. Ах, как же нравится ей эта нарастающая твёрдость...

— Господин, какой ты великолепный!

Но Господин пока что недоволен:

— Поподробнее, милая, поподробнее! Не скупись на описания, пока я наслаждаюсь пенистым напитком...

Джейн, впрочем, ученица талантливая и тоже умеет играть словами. Шаловливый язычок уводит её куда-то совсем не туда: «попа — дробнее, напиток пенистый от слова penis. И чувственные описания — с ударением на первое И». О, этот золотой дождь, моя маленькая развратница так любит подставлять себя под его струи! И в сладостном предвкушении забывает уже правила приличия, позволяя вырваться из сердца самым сокровенным словам:

— Да, я люблю его глянецвитость! Его охуительную головку, которая может подарить такие незабываемые минуты!

Когда Дженни переходит на табуированную обценную лексику... (Начинает материться, объясняю специально для филологов) — Так вот, с этого момента её не остановят и четверо. Но Хозяин на то и хозяин, чтобы взять под уздцы свою резвую кобылку и слегка попрердержать её аллюр:

— Чуть позже, пёздушка ты моя похотливая! А пока что сдуй с головки всю пену и наслаждайся моим хером вприглядку. Эстетические чувства, блин, развивай. Хотя можешь и облизать, я разрешаю.

А раззадоренной донельзя служанке только волю дай! Джейн в восторге от сладостного набалдашника и неустанно полизует его теперь, постанывая и игриво сдувая пенку. Чувственно посмакивая, поддевая язычком, рисуя восьмёрки на стволе и на головке,

осторожно задевая расщелинку...

Я снисходительно протягиваю тебе бокал, и ты делаешь глоток шампанского, чтобы запить этот изумительный вкус.

— Теперь продолжай... Хотя, пожалуй что нет!

Имеет право твой хозяин передумать? Имеет, разумеется, на то он и Повелитель. И право имеет, и малышку Дженни заодно. А потом за два и за три, уж за этим дело не станет. И я встаю в полный рост, весь в пене:

— Теперь уже давай-ка соси мой хер со вкусом. С чувством, с толком, с расстановкой, как поэт завещал! Кто тут хвастался своим неподражаемым минетом?

— О, да! — и девушка восторженно обхватывает мои бёдра руками, возложив ладошки на ягодицы. Притягивает к себе, ловит ртом хозяйский пенис, ещё мгновение назад такой весь из себя пенистый, — и полностью вбирает в себя. В наслаждении мыча и закатывая глаза, а пальчиками ласково так проходясь по яичкам.

Впрочем, скользким от мыльной пены пальчикам моей служанки можно найти применение и поинтереснее.

— Вставь-ка ты их своему повелителю в анус, дорогая! Осторожненько, но со вкусом. Сначала один, потом два...

И Дженни послушно углубляется в мою чувствительную глубину, благо не в первый раз. Мужчине совершенно не обязательно быть голубым, чтобы получать такого рода пассивное удовольствие. Как учит нас дедушка Фрейд, для этого достаточно аккуратности и любви к порядку. Поэтому я спокойно расслабляюсь и распаиваюсь навстречу шаловливой ручонке, пока любопытная и отменно выдрессированная рабыня страсти ласкает мне яички и расщелину между округлыми мускулистыми половинками хозяйской жопы. Остановившись на мгновение, а потом снова вверх-вниз, туда и обратно, проваливаясь в самые тар-тарары и тут же отступая к исходным позициям, чтобы распахнуть пошире упругое колечко.

Но что в одном месте убудет, то в другом присовокупится! Вставляя пальцы поглубже в анус, малышка Дженни тем же самым движением заталкивает себе в рот мой напряжённый хер. Высвобожденного из штанов старого друга уже давно ломает от нестерпимого возбуждения и желания. А ласковые пальчики своими невесомыми, едва ощутимыми процарапываниями вздымают из округлых хозяйских ларцов девятый вал семени, и тот устремляется вперёд и наружу потоком обжигающего белого пламени, пока ты сосёшь мой коралл со всё возрастающей силой. Засаживая его вглубь по самое горло, изнемогая от неутолённой жажды...

— Приди же, о пенный бурун, и выплеснись наконец на оссохший под палящим солнцем песок обветренных губ!

На такую просьбу не откликнется разве что слепоглухонемой импотент! И Майк с яростным криком кончает прямо в распахнутый ротик своей покорной служанки, заставляя ту поперхнуться не раз и не два горячей вязкой струёй солоноватой сметаны. Кончает и Дженни, исступлённо, судорожно, покорно сглатывая и урча от безмерного удовольствия. И вместе с ними, кажется, кончает и вся Вселенная: пространство качается, уходя из-под ног, микросекунда Большого Взрыва растягивается на миллионы веков, а прошлое и будущее схлопываются воедино в божественном таинстве «Здесь и Сейчас».

...

— И это всё, Господин? — разочарованно спрашивает меня вечностью позже Джейн, эта

маленькая ненасытная проблядушка, принцесса минета и воплощение всех непристойных фантазий, которые только могут прийти в голову закалённому в сотнях сексуальных сражений извращенцу.

Но я-то знаю, на что намекает моя Дженни,

— погоди, дорогая, будет тебе и шампанское на десерт. Пожары ведь полагается тушить, а мои резервуары полны уже не менее, чем та пенная ванна, в которой мы всё ещё стоим.

Готова?

— О да, Повелитель. Напой же меня этим живительным соком, пузырящимся пенным вином из своих сокровенных глубин! Окропи золотым дождём, словно Зевс-Громовержец Данаю. Опиши свою рабыню не раз и не два, мой Майк, непревзойдённый творец описаний — но теперь, умоляю, опиши!

Просящему да воздастся, тем более, что сам я сейчас и хочу, и могу. И разверзлись небесные хляби, взбивая во рту моей девочки великолепный коктейль из шампанского со сметаной. Чтобы излишки его картинно стекали по пышным упругим грудям со вздёрнутыми сосками, по животу, по раздвинутым в страсти бёдрам — и сливались внизу с той пахнущей хвоей пеной, из которой ты вновь и вновь возрождаешься мне на радость, о моя Дженни, блудливая дочь Афродиты.

Достойное завершение пенистой оргии. Достойное описания и пером поэта, и его хером, как вам больше понравится. Желательно, конечно, и то и другое.

1. Тимур Шаов, «Мы пойдём своим путём»
2. Михайло Ломоносов, из письма к Эйлеру